

УДК 821.161.1-
31.09

Н.Н. Ступницкая

СТОЛЫПИН И СТАЛИН ГЛАЗАМИ СОЛЖЕНИЦЫНА

Проблема исторической причинности постоянно занимала мысли Солженицына. Свидетельством тому служит тот факт, что с конца 1960-х годов лагерная тема отходит в творчестве писателя на задний план. Л.А. Колобаева отмечает эволюцию писательского мировосприятия от преимущественно социальной тематики ранних «крохоток», до всечеловеческих вопросов более поздних. Исследователь отметила «необычный ракурс видения людей и вещей, иной раз резко отстраненный, словно бы инопланетный, позволяющий под новым углом зрения заметить нелепости, абсурд человеческой жизни, в особенности советской» [2, с. 40]. Наиболее значимой, в этом отношении, представляется работа Н. Рутыч [8], содержащая попытку осмысления образа Сталина, основываясь на сравнении двух вариантов романа. По мнению исследователя, первый достаточно полный литературный портрет Сталина появился именно в Круге – 96, когда писатель ввел новые главы «Этюд о великой жизни» и «Император земли».

Справедливой представляется мысль Я.С. Лурье, опровергавшего всемогущество личности государственного деятеля. Главными объектами изображения в солженицынском произведении является творимая людьми история, описываемые события происходят в обществе, основу которого составляют люди. Совершается же история не только и не столько отдельными личностями, сколько крупными человеческими массами. В связи с этим, закономерным представляется вывод исследователя, что ни Гитлер, ни Сталин «не делали историю; не делал ее и Ленин: при всем своем фанатизме он был оппортунистом, следовавшим сперва бунтовщическому напору масс, а потом стремлению страны (и своих братьев по партии) к рыночным отношениям. Огромные средства истребления, оказавшиеся в руках государственных деятелей XX в., не

изменяли того обстоятельства, что они, бравшие на свою совесть массовые убийства, могли это делать потому, что их волю готово было выполнять множество людей» [4, с. 148].

Одной из первых попыток осмысления фигуры Сталина является работа А.В. Белинкова, выявляющая особенности восприятия этого исторического деятеля. «Одной из наиболее дискуссионных, а для некоторых и сомнительной в романе Солженицына, является фигура Сталина. Дискуссии и сомнения возникают в связи с тем, что такой Сталин не мог бы сделать таких дел (такой истории)» [1, с. 429]. Оценка Сталина с общечеловеческих позиций была неожиданна для многих и породила волну непонимания, однако Белинков верно полагает, что Сталин в романе Солженицына «В круге первом» «существует не как портрет, отделенный рамочкой от других фактов произведения, а как элемент в системе его образов» [1, с. 430]. Многообразие суждений о различных этико-философских категориях выражаются посредством образов романа, система которых соотносится не только и не столько с историей, сколько с доминирующей художественной концепцией романа о тесной взаимосвязи и взаимовлиянии внешнего мира и внутреннего самознания персонажа, что и привело исследователя к мысли, что Сталин «безумен, гибелен и противоестественен» [1, с. 430].

Подобное мнение высказывает А. Солженицын на страницах «Ахипелага ГУЛАГа». «И в предтюремные и в тюремные годы я тоже долго считал, что Сталин придал роковое направление ходу советской государственности. Но вот Сталин тихо умер – и уже так ли намного изменился курс корабля? Какой отпечаток собственный, личный он придал событиям – это унылую тупость, самодурство, самовосхваление. А в остальном он точно шел стопой в указанную ленинскую стопу...» [10, с. 423]. Осмысливая солженицынское творчество, Я.С. Лурье приходит к выводу об эволюции писательского мировоззрения, выразившееся в утрате советского патриотизма и переосмыслении самого этого понятия. Конкретизация понятия патриотизма, осознание общей ответственности за все происходящее нашло свое отражение в романе «В круге первом» и в эпопее «Красное колесо». По мнению Н.Л. Лейдермана, «Главный предмет эпопеи Сол-

женицына – собственно история, цель писания – правда об историческом событии (катастрофе России в 1917 году), человек же интересен автору не как самоценная личность, а как историческая функция» [3, с. 309].

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы сопоставить образы Столыпина и Сталина с учетом особенностей солженицынской трактовки этих персонажей.

С нашей точки зрения, в «Красном колесе» А.И. Солженицын показывает насколько по-разному исторические события воздействуют на людей, которые, в свою очередь, позиционируются в истории в соответствии с собственным миропониманием. С этой точки зрения можно выявить сходство Столыпина и Сталина, которые, казалось бы, диаметрально противоположны друг другу. Однако оба героя сходны в стремлении укрепить существующий социальный порядок. Сталин, представленный в романе А.И. Солженицына «В круге первом», испытывал страх перед революцией, его слова сродни шаманскому заклинанию: «Не нужно больше никаких революций! Сзади, сзади все революции! Впереди – ни одной!» [9, с. 165]. Столыпин же, понимая всю опасность революции, ощущал в себе силы противостоять разрушительным революционным идеям: «Все мысли Столыпина были склада общегосударственного. А вот прежде надо было дать чужой полицейский бой – да такой, какой русская революция еще не встречала и не ждала» [12, с. 149]. В словах Сталина явственно слышится страх за собственную жизнь и боязнь потерять власть. Столыпин же рассматривал власть не как самоцель, а как способ проведения реформ, способствующих расцвету России: «Им нужны – великие потрясения, нам нужна – великая Россия!» [12, с. 176].

Все мысли и действия П.А. Столыпина были направлены на улучшение жизни народа в России, на укрепление и развитие своей Родины. «У Петра Столыпина таким узлом завязалось рано, сколько помнил он, еще от детства в подмосковном Середниково: русский крестьянин на русской земле, как ему этой землей владеть и пользоваться, чтоб добро и ему, и земле» [12, с. 142]. Революционеры же абсолютно не интересовало повышение благосостояния

людей, во главе угла для них стояло свержение монархии и захват власти. Показательным в данном случае является заявление Ленартовича: «Надо иметь точку зрения *обобщающую*, если не хотите попасть впрок. Мало ли кто на Руси страдал, страдает! К страданиям рабочих и крестьян пусть добавляются страдания раненых. Безобразия в деле раненых – тоже хорошо. Ближе конец. Чем хуже, тем лучше» [11, с. 136-137]. Революционеры не ставили перед собой задачу улучшения жизни в России, точнее даже будет сказать, что ими это рассматривалось как помеха для достижения их цели. Отбирая те или иные подробности, Солженицын словно поворачивает персонаж определенной стороной. Сталину безразлична судьба простых людей, единственное, «что ему подходило в жизни, вот эту одну жизнь он мог понять: ты скажешь – а люди чтобы делали, ты укажешь – а люди чтобы шли. Лучше этого, выше этого – ничего нет. Это выше богатства» [9, с. 118].

Проблема соотношения героя и окружающего его пространства приобретает особое значение в произведениях Солженицына. Чуждость России революционеров Солженицын показал описанием 1-й Думы, первоочередным заданием которой было не облегчение жизни простого человека, а свержение правительства и призыв к бунту. Сталин, из романа «В круге первом», настолько чужд России, окружающему его пространству, что безжалостно уничтожает его, погрузив страну во тьму тоталитарного террора, уничтожив все, что могло бы напомнить о старой Руси.

Столыпин же настолько укоренен в российскую действительность, что абсолютно точно понимает, что только трудолюбивый зажиточный крестьянин будет надежным оплотом государства. «Землю, – по мнению Столыпина, – надо не хватать друг у друга, а свою собственную пахать иначе: научиться брать с десятины не по 36 пудов, а по 80 и 100, как в лучших хозяйствах» [12, с. 150]. На фоне заявлений Сталина о собственной гениальности, Солженицын представляет мысли персонажа о коммунизме как обществе строгой дисциплины и недостаточной сытости. «Если человек не будет заботиться о еде, он освободится от материальной силы истории, бытие перестанет определять сознание, и все пойдет кувырком» [9, с. 154].

Писатель явно симпатизирует Столыпину, что ощущается в стилистике посвященных ему глав. Для характеристики персонажа Солженицын использует прием опосредованной оценки, что служит объективизации повествования. Не только Солженицын придавал особую значимость фигуре министра внутренних дел, но и современники героя, осознавали силу, ясность ума и ту роль, которую Петр Аркадьевич играл в истории России. Вот как Богров мотивирует свое решение убить Столыпина: «Надо ударить в самое сплетение нервов – так, чтобы парализовать одним ударом все государство. И – на подольше. Такой удар может быть – только по Столыпину. Он – самая злобная фигура, центральная опора этого режима. Он выстаивает под атаками оппозиции и тем самым создает режиму ненормальную устойчивость, какой устойчивости на самом деле нет. Его деятельность исключительно вредна для блага народа. Самое страшное, что ему удалось, – это невероятное падение в народе интереса к политике» [12, с. 110]. Богровский страх и уважение Столыпина сменяется явной иронией при описании царя: «Да что Николай, он игрушка в руках Столыпина» [12, с. 111]. В солженицынском описании царя явно звучат иронические нотки, смешанные с сочувствием и пониманием особенностей персонажа. Однако проникновенное описание сменяется сатирой, если речь идет о советском диктаторе.

Боязнь пространства вступает в конфликт с «наполеоновскими» самооценками Сталина. Солженицын подчеркивает несостоятельность претензий героя на величие и мировое господство, поместив его в тесное, замкнутое пространство. «Сильно сгорбившись, путаясь в длинных полах халата, шаркающе походкой владетель полумира прошел во вторую узкую дверь, не различную от стены, опять в кривой узкий лабиринтик, а лабиринтиком – в низкую спальню без окна, с железобетонными стенами» [9, с. 165]. Эффект контраста возникает за счет того, что автор использует не нейтральные антропони́мы Сталин, Джугашвили, а семантически экспрессивную метонимию «владетель полумира», которая вступает в смысловую оппозицию с выражениями «узкая дверь», «узкий лабиринтик», «низкая спальня». Столыпин же «шагом твердым всходя на трибуну, крепкого сложенья,

осанистый, видный, густоголосый» [12, с. 149]. Отказ автора от экспрессивно окрашенной лексики при описании персонажа является одним из способов положительной характеристики героя, которому абсолютно не свойственно пустое тщеславие и самовосхваление.

Столыпин источает силу и уверенность и абсолютно не нуждается в завышенных самооценках. «Петр Аркадьевич, так любивший верховную езду да сильную одинокую ходьбу по полям, теперь гулял из зала в зал дворца или всходил на крышу его, где тоже было место для царских прогулок» [12, с. 162]. И тут же ироничное высказывание всеведущего писателя: «А император этой страны так же потаенно прятался уже второй год в маленьком имении в Петергофе и так же давно нигде не смел показываться публично и даже под охраною ездить по дорогам собственной страны.

И в чьих же тогда руках была Россия? Разве – еще не победили революционеры?» [12, с. 163]. Позволим себе продолжить сравнение Солженицына и заглянуть во время окончательной победы революционеров, кто возглавил страну и какое государство было создано? Боровшиеся за свержение монархии революционеры создали тоталитарное общество, не имевшее аналогов в мире. Парадоксальность ситуации состоит в том, что даже адепты системы, страхом и рвением которых она держится, оказываются не в ладу с ней. Возглавляет же это «новое» общество диктатор, более всего озабоченный сохранением собственной власти.

Два предлагаемых нами к сравнению персонажа, кардинально отличаются друг от друга не только по характеру, но и по стилю поведения и морально-волевым качествам. Столкнувшись с трудностями революционного движения, проведя в тюрьме год, Сталин пал духом и, ради облегчения собственной участи и сохранения жизни, соглашается на сотрудничество с тайной полицией. Выдвинутое Солженицыным предположение о возможной службе Сталина в царской охране направлено не на выяснение исторической правды, а на выявление психологических особенностей героя. Это утверждение служит также типизации персонажа и дополняет этот историко-психологический инвариант существенными чертами. Таким образом Солженицын

опосредованно разоблачает и остальных революционеров, поторопившихся сжечь Охранное отделение и уничтожить все документы: «Знали революционеры, что надо было сжигать побыстрее» [9, с. 123]. Все вышеизложенное позволяет утверждать, что писатель отказывает Сталину в какой бы то ни было исключительности, подчеркивая общность психологических характеристик революционеров.

Столыпин же неуклонно проводил свою линию, невзирая ни на какие трудности. Он пытался убедить бунтарскую Думу в необходимости «терпеливой работы для родины, когда они собирались прокричать лишь – к бунту» [12, с. 150]. Петр Аркадьевич преодолевал недовольство революционеров, высокопоставленных чиновников царской России и самого Николая, но был тверд в своих убеждениях. «Крупной фигурой, густым голосом, и как он твердо ступал, и как уверенно принимал решения – Столыпин еще усилил то впечатление крепости, несбиваемости, здоровья, какое улавливалось и через газеты, с дальних мест всероссийского амфитеатра. Да сила и всегда была несомненна, раз один человек мог вывести такую страну из такого положения» [12, с. 108]. Использование приема опосредованной характеристики позволяет Солженицыну выявить сущность столыпинского характера. Примечательно, что именно в уста Богрова, писатель вложил четкое и емкое описание особенности характера премьер-министра: «Характер Сольпина – не уклоняться от опасности. Так он и встретит свою верную смерть» [12, с. 133].

Проблема осмысления и адекватного восприятия происходящих событий нашла свое отражение в работе Б.Г. Реизова: «В начале XIX века, когда приходилось доказывать, что исторический роман имеет право на существование, критики утверждали, что подлинной, объективной художественной правды можно достигнуть только в этом жанре. Прошедшие эпохи лучше поддаются анализу, потому что основные тенденции их развития обнаружили в эпохи, за ними последовавшие, и смысл их уже вскрыт историей. Современность, говорили они, еще не имеет следствий. Процессы, в ней совершающиеся, не угаданы временем, и тот, кто живет в водовороте событий, не в состоянии их оценить и понять. Затем, когда на смену историческому

роману пришла повесть из современной жизни, точка зрения изменилась. Только современник событий может их понять. Только в толкотне эпохи, испытывая на себе ее бедствия и надежды, можно познать ее сущность, ее проблематику, чувства тех, кто ее делал и переживал» [6, с. 11-12].

Собранный в данной статье материал, несмотря на вынужденную неполноту, позволяет сделать вывод, что ни Солженицын, современник сталинской эпохи, ни читатель, воспринимающий ее как историю, не в состоянии однозначно понять и объяснить образ Сталина. Жизнь и деятельность Столыпина тоже не до конца изучена, слишком много фактов замалчивалось и неверно трактовались, исходя из конъюнктуры эпохи. Изучение фигур двух этих исторических деятелей – дело будущего, однако попытка осмысления этих персонажей Солженицыным имеет безусловную ценность.

Актуальность творчества Солженицына на современном этапе связана с тем, что мысли писателя опираются на христианский опыт предшествующих поколений. Возрастающая роль различных теологических систем усилила влияние антропософских настроений современного общества и выделение личностного аспекта в качестве доминирующего в творчестве Солженицына, стало основой современных исследований. Присущая писателю глубокая вера помогает ему чувствовать грань между добром и злом и направлять жизнь и творчество по пути добра. Ю.В. Рокотян полагает, что «таковы герои произведений Солженицына: Иван Денисович, внешне вроде бы и не религиозный, Матрена, Спиридон, Воротынцев и многие другие» [7, с. 154].

Литература

1. Белингов А.В. Сталин у Солженицына. Из незавершенной книги «Судьба и книги Александра Солженицына» / А.В. Белингов // Новый колокол. – 1972. – №1. – С. 429-430.
2. Колобаева Л.А. «Крохотки» / Л.А. Колобаева // Литературное обозрение. – 1999. – №1. – С. 39-44.
3. Лейдерман Н.Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учебное пособие [для студ. высш. учеб. заведений]: в 2 т. – Т.1: 1953–1968 / Л.Н. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – М.: «Академия», 2003. – 416 с.

4. Лурье Я.С. После Льва Толстого. Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века / Я.С. Лурье. – СПб. – 1993. – 168 с.
5. Немзер А.С. Она уже пришла. Заметки об «Августе Четырнадцатого» // А.С. Немзер / Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 томах / А.И. Солженицын. – Т.8. Красное колесо: повествование в отмеренных сроках в четырех Узлах. – Узел I: Август Четырнадцатого. Книга 2. – М.: Время, 2006. – с.484-520.
6. Реизов Б.Г. Историко-литературные исследования: Сборник статей / Б.Г. Реизов. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1991. – 248 с.
7. Рокотян Ю.В. Христианские корни публицистики Солженицына / Ю.В. Рокотян // Москва. – 2005. – №12. – С. 154-159.
8. Рутыч Н. Сталин в современной литературе / Н. Рутыч // Посев. – 1980. – №2. – С. 48-54.
9. Солженицын А.И. В круге первом: [роман] / А.И. Солженицын. – М.: Художественная литература, 1990. – 766 с. – (Текст).
10. Солженицын А.И. Малое собрание сочинений: В 9 т. / А.И. Солженицын – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – Т. 5: Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования, т.1. – М. – ИНКОМ НВ – 1991. – 432 с.
11. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 томах / А.И. Солженицын. – Т.7. Красное колесо: повествование в отмеренных сроках в четырех Узлах. – Узел I: Август Четырнадцатого. Книга 1. – М.: Время, 2006. – 432 с.
12. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 томах / А.И. Солженицын. – Т.8. Красное колесо: повествование в отмеренных сроках в четырех Узлах. – Узел I: Август Четырнадцатого. Книга 2. – М.: Время, 2006. – 536 с.

Анотація

Н.М. Ступницька. Столипін і Сталін очима Солженицына.

У статті зіставлені образи Сталіна і Столипін, які представлені О.І. Солженицыним у романі «В колі першому» та епопеї «Червоне колесо», з урахуванням особливостей трактування цих персонажів письменником. З нашої точки зору, у «Червоному колесі» Солженицын показує наскільки по-різному історичні події впливають на людей, які, у свою чергу, позиціонуються в історії у відповідності із власним світорозумінням. З цієї точки зору можна виявити схожість Столипін і Сталіна, які, здавалося б, діаметрально протилежні одне одному. Однак обидва герої схожі у прагненні укріпити

існуючий соціальний лад і не допустити революцію. Прагнення Сталіна обумовлено страхом за власне життя і побоюванням втратити владу, а бажання Століпіна мотивовано міркуваннями цілковито іншого характеру, а саме: розквіт Росії. Сатирична оцінка Сталіна контрастує з позитивною оцінкою Століпіна, що знаходить своє відображення у стилістичних засобах характеристики персонажів.

Вивчення фігур цих двох історичних діячів – справа майбутнього, однак спроба осмислення цих персонажів Солженіциним має безумовну цінність.

Ключові слова: образ, роман, епопея, трактування, світорозуміння, соціальний лад, сатирична оцінка, стилістичні засоби.

Аннотація

Н.Н. Ступницькая. Столыпин и Сталин глазами Солженицына.

В статье сопоставляются образы Сталина и Столыпина, представленные А.И. Солженицыным в романе «В круге первом» и эпосе «Красное колесо», с учетом особенностей писательской трактовки этих персонажей. С нашей точки зрения, в «Красном колесе» Солженицын показывает насколько по-разному исторические события воздействуют на людей, которые, в свою очередь, позиционируются в истории в соответствии с собственным миропониманием. С этой точки зрения можно выявить сходство Столыпина и Сталина, которые, казалось бы, диаметрально противоположны друг другу. Однако оба героя сходны в стремлении укрепить существующий социальный порядок и не допустить революцию. Стремление Сталина обусловлено страхом за собственную жизнь и боязнью потерять власть, а желание Столыпина мотивировано соображениями совершенно иного характера, а именно: расцвет России. Сатирическая оценка Сталина контрастирует с позитивной оценкой Столыпина, что находит свое отражение в стилистических средствах характеристики персонажей.

Изучение фигур двух этих исторических деятелей – дело будущего, однако попытка осмысления этих персонажей Солженицыным имеет безусловную ценность.

Ключевые слова: образ, роман, эпосея, трактовка, миропонимание, социальный порядок, сатирическая оценка, стилистические средства.

Summary

N.N. Stupnitskaya Stolypin and Stalin from Solzhenitsyn's point of view.

The images of Stalin and Stolypin from the novel of A.I. Solzhenitsyn "In The First Circle" and the epic "Red Wheel" are compared in the article taking into account the peculiarities of the author's interpretation of these characters. From our point of view Solzhenitsyn shows how different historical events affect people who in their turn position themselves in the history according to their own outlook. From this point of view it is possible to realize the identity of Stolypin and Stalin which seemed to be antipodal. But both heroes are the same in aspiration to strengthen existing social order and don't accept the idea of revolution. Stalin's aspiration is determined by the fear for his life and fear to lose his power, but the wish of Stolypin is motivated by the considerations of absolutely other character – the development of Russia. The satiric assessment of Stalin is contrast with the positive assessment of Stolypin which is reflected in stylistic means of characteristic of images.

Studying of the images of these two historical figures is the work of the future however Solzhenitsyn's attempt of interpretation of these characters has a real value.

Key words: image, novel, epic, interpretation, outlook, social order, satiric assessment, stylistic means.